„Пров 49“
БИБЛІОТЕКА
Кіевскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.
225740

Варленъ

передъ

СУДОМЪ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦІИ.

Въ Маѣ 1868 года въ Парижѣ судились за участіе въ недозволенномъ сообществѣ переплетчикъ Варленъ, красильщикъ Малонъ и семеро другихъ ихъ товарищей рабочихъ.

Недозволенное сообщество, за которое они судились, было основано за три года передъ тѣмъ и называлось „Международнымъ Обществомъ Рабочихъ“. Весною 1868 года оно было еще не очень велико, но заставило уже задуматься всѣхъ враговъ рабочаго класса, всѣхъ богатыхъ, живущихъ чужимъ трудомъ людей (буржуазію). Дѣло въ томъ, что основавши это общество, рабочіе въ первый разъ начали дѣйствовать сами по себѣ, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ нерабочихъ партій, тогда какъ раньше они всегда надѣялись, что ихъ осчастливятъ тѣ или другіе люди изъ высшихъ классовъ, и надѣялись понапрасну.

На этотъ разъ, соединившись въ „Международное Общество“, рабочіе разныхъ странъ рѣшили обходиться безъ руководства какихъ бы то ни было благодѣтелей и добиваться общими силами лучшаго будущаго для всѣхъ трудящихся, ни на кого кромѣ самихъ себя не разсчитывая. „Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, написали они въ своемъ уставѣ и твердо держались этого правила, принимая въ общество только такихъ людей изъ другихъ классовъ, которые совершенно перешли на сторону рабочихъ и ничего не хотѣли, ничего не добивались кромѣ устройства рабочаго дѣла.

Другою, не бывалою раньше, особенностью новаго общества была его международность. Понявши, что рабочіе вездѣ, во всѣхъ государствахъ одинаково страдаютъ, что у нихъ одни враги и,что какъ бы ни ссорились между собою эти враги, противъ рабочихъ они всегда и всѣ станутъ за одно, — понявши все это, рабочіе разныхъ странъ рѣшили тоже стоять за одно и общими силами добиваться лучшаго будущаго. Съ тѣхъ поръ они никогда не измѣняли этому рѣшенію. Понимающіе свое положеніе рабочіе всѣхъ западныхъ государствъ,— нѣмецкіе напримѣръ, — считаютъ своихъ собственныхъ, нѣмецкихъ хозяевъ и всякихъ другихъ нѣмецкихъ господъ чужими людьми и своими врагами, а французскихъ англійскихъ и всякихъ другихъ рабочихъ считаютъ своими товарищами и братьями. Братьями же считаютъ они и русскихъ рабочихъ и твердо увѣрены, что какъ только русскіе рабочіе поймутъ свои интересы, они также будутъ вмѣстѣ съ рабочими всѣхъ странъ бороться за лучшее будущее для всего трудящагося люда.

Какую силу придалъ рабочимъ этотъ международный союзъ, сейчасъ же сказалось при стачкахъ. Стачки повсюду случались и раньше, какъ случаются и у насъ въ Россіи. Но такъ какъ стачечники полагались только на свои силы, то по большей части хозяевамъ не трудно было справиться съ ними, голодъ скоро заставлялъ ихъ вернуться въ мастерскія, ничего не добившись. Часто дѣло кончалось еще хуже. За самую стачку почти

225740

нигдѣ въ Европѣ не наказываютъ. Чтобы вмѣшались войска или даже полиція, надо чтобы случились какіе нибудь безпорядки, чтобы рабочіе подрались, повыбивали окна или поломали что нибудь на фабрикѣ. И при всякой большой стачкѣ хозяева обыкновенно очень желали и даже старались о томъ, что бы поскорѣе случилось что нибудь подобное. При малѣйшихъ безпорядкахъ приходили войска, арестовывали зачинщиковъ, то есть всѣхъ рабочихъ поумнѣе и посмѣлѣе, кто сопротивлялся, тѣхъ застрѣливали, а остальные, лишенные всѣхъ лучшихъ товарищей, молча принимались за работу. Наконецъ, у хозяевъ было и еще средство справиться со стачкой. Они часто вызывали на мѣсто своихъ стакнувшихся рабочихъ какихъ нибудь другихъ, или изъ сосѣднихъ городовъ, или изъ другихъ государствъ

Международное Общество знало, что стачками нельзя добиться никакихъ большихъ улучшеній въ судьбѣ рабочихъ, но знало также и то, что безъ стачекъ при настоящихъ порядкахъ обойтись нельзя, что часто только этимъ способомъ и можно помѣшать хозяевамъ сбавлять безъ конца и безъ того ничтожную заработную плату, поэтому Общество рѣшило, разъ ужь случаются стачки, дѣлать все возможное для того, чтобы онѣ были удачны, помогать имъ всѣми своими силами. При каждой крупной стачкѣ выборные люди Международаго Общества извѣщали о ней своихъ сочленовъ въ другихъ городахъ и странахъ, и повсюду по мастерскимъ и фабрикамъ начинались сборы на помощь стачечникамъ. Рабочіе давали кто что могъ, копейками, гривенниками, но такъ какъ дававшихъ были десятки тысячъ, то изъ гривенниковъ собирались большія суммы и брать стачечниковъ голодомъ не стало никакой возможности. Прекратились и безпорядки: надѣясь на успѣхъ, рабочіе сами старались не дать войскамъ никакого повода вмѣшиваться въ дѣло. Пересталъ удаваться и вывозъ рабочихъ изъ другихъ странъ. Международное Общество сейчасъ же всюду оповѣщало, чтобы никто не нанимался къ хозяину, на фабрикѣ котораго идетъ стачка. Словомъ, съ тѣхъ поръ какъ вмѣшалось въ дѣло Международное

Общество, хозяевамъ приходилось въ большей части случаевъ уступать требованіямъ рабочихъ. Это пугало и бѣсило хозяевъ и всю буржуазію, поэтому она повсюду подняла крикъ о необходимости преслѣдовать такое вредное общество. Первымъ взялось за эти преслѣдованія французское правительство. Тогда тамъ царствовалъ императоръ Наполеонъ III, и порядки были похожи на наши, хотя все таки во сто разъ лучше. Правительство начало отдавать подъ судъ, однихъ за другими, всѣхъ рабочихъ, которыхъ парижскіе члены Международнаго Общества выбирали для веденія своихъ дѣлъ (сбора денегъ, пріема новыхъ членовъ, переписки съ другими городами и проч.). Такими выборными Международнаго Общества были и Варленъ съ товарищами. Отданные подъ судъ, они сообща обдумали, что именно надо говорить на судѣ, и поручили вести за всѣхъ рѣчь Варлену. Мы печатаемъ дальше переводъ этой рѣчи, пропустивши начало, гдѣ Варленъ отвѣчаетъ прокурору и говоритъ о разныхъ частностяхъ обвиненія.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Варленѣ и его дальнѣйшей судьбѣ.

Во время суда Варлену было 27 лѣтъ. Двадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Парижъ, едва умѣя читать и писать. Здѣсь скоро до него дошли слухи о томъ ученіи, которое говоритъ, что рабочіе могутъ и должны освободиться отъ своей тяжелой доли, что отъ нихъ самихъ зависитъ добыть себѣ лучшее будущее. Онъ заинтересовался этимъ ученіемъ, захотѣлъ знать и понимать какъ можно больше, и принялся учиться, проводя за книгами вечера, а иной разъ и ночи, такъ какъ днемъ долженъ былъ работать въ переплетной мастерской. Когда въ Парижѣ основалось Международное Общество, Варленъ однимъ изъ первыхъ вступилъ въ него. Своимъ умомъ, а еще больше своей глубокой преданностью дѣлу, всегдашней готовностью отдать ему всѣ свои силы, онъ скоро заслужилъ любовь и уваженіе товарищей. Его нѣсколько разъ посылали на съѣзды, на которые собирались изъ всѣхъ странъ выборные люди Общества, чтобы вмѣстѣ обсуждать и рѣшать дѣ-

ла рабочаго класса. Въ 1868, году онъ былъ, какъ мы уже говорили, выбранъ въ комиссію, завѣдывавшую всѣми дѣлами парижскаго отдѣла Международнаго Общества, былъ преданъ суду и вмѣстѣ во всѣми остальными подсудимыми приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ штрафу.

Выйдя изъ тюрьмы, Варленъ тотчасъ же снова взялся за дѣла Международнаго Общества, но вести ихъ стало гораздо труднѣе. Такъ какъ правительство арестовывало всѣхъ выборныхъ Общества, то рабочіе рѣшили вести дѣло тайно и не дѣлать больше открытыхъ выборовъ. А Общество между тѣмъ быстро распространялось во Франціи и у него были уже десятки тысячъ членовъ разбросанныхъ по разнымъ городамъ. Объединить въ одно цѣлое этихъ многочисленныхъ членовъ, безъ возможности открыто выбирать вожаковъ, было очень трудно. Всѣхъ преданнѣе, всѣхъ энергичнѣе взялся за это дѣло Варленъ. Поэтому онъ скоро сдѣлался общимъ вождемъ, „душой“, какъ писали потомъ о немъ его товарищи, рабочаго дѣла во Франціи. Къ нему со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ городовъ, гдѣ были члены Общества, обращались за совѣтомъ и помощью, онъ главнымъ образомъ завѣдывалъ сборами для помощи стачечникамъ, онъ же заботился и о газетѣ, которую издавало Общество. Трудно представить себѣ, какъ справился бы съ такой массой дѣлъ даже человѣкъ, который могъ бы отдавать этимъ дѣламъ все свое время, а Варлену приходилось еще работать для хлѣба, приходилось по временамъ скрываться отъ полиціи. Тѣмъ не менѣе его хватало на все, и болѣе двухъ лѣтъ онъ оставался въ главѣ французскаго рабочаго движенія.

Буржуазіи удалось тогда еще разъ побѣдить это движеніе. Рабочіе были вынуждены возстать, въ то время, когда у нихъ не было еще достаточно силъ для окончательнаго торжества.

Мы въ другой разъ разскажемъ нашимъ читателямъ объ этомъ возстаніи (18-го Марта 1871 года) и о *Коммунѣ*, рабочемъ правительствѣ Парижа, два мѣся-

ца управлявшемъ своимъ громаднымъ городомъ, и управлявшемъ умнѣе и гораздо честнѣе всякихъ другихъ правительствъ. Варленъ и въ возстаніи былъ впереди, онъ былъ также членомъ рабочаго правительства, а затѣмъ, когда вошли въ Парижъ посланныя буржуазіей войска, онъ бился съ ними до конца, остался въ живыхъ, но былъ потомъ арестованъ на улицѣ и разстрѣлянъ по приказу генерала. Солдаты, которымъ поручено было разстрѣлять Варлена, долго водили его изъ одной улицы въ другую, выбирая удобное мѣсто для казни. Одинъ враждебный рабочимъ газетчикъ шелъ изъ любопытства за солдатами и присутствовалъ при смерти Варлена. Онъ такъ писалъ потомъ о немъ въ своей газетѣ: „Какія бы преступленія ни совершилъ этотъ человѣкъ, но онъ шелъ такъ спокойно, зная, что ожидаетъ его въ концѣ пути, и умиралъ съ такою твердостью, что становилось больно смотрѣть на все это.“

„Вся жизнь его была примѣромъ“, говоритъ о Варленѣ его товарищъ Малонъ. „Необычайно дѣятельный, всегда рѣшительный, безконечно преданный дѣлу и при этомъ очень скромный, никогда не думавшій о себѣ самомъ, Варленъ пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ окружающихъ. Рабочіе никогда не забудутъ этого человѣка, который такъ много сдѣлалъ для своихъ братьевъ и умеръ за нихъ.“

Малонъ писалъ эти слова вскорѣ послѣ смерти Варлена. Съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ, и рабочіе не только не забыли этого человѣка, а наоборотъ, по мѣрѣ того какъ растетъ та борьба, въ которой онъ былъ однимъ изъ лучшихъ борцовъ, все большее и большее число рабочихъ во всѣхъ странахъ міра съ любовью и величайшимъ уваженіемъ вспоминаетъ его имя. Съ такой же любовью будутъ вспоминать его и русскіе рабочіе, когда начнутъ бороться за то великое дѣло, для котораго жилъ и за которое умеръ Варленъ.

Изъ рѣчи Варлена.

„Хотя предъ закономъ, господа, вы судьи, а мы обвиняемые, но на самомъ дѣлѣ, мы съ вами представляемъ двѣ борющіяся партіи: вы отстаиваете, во что бы то ни стало, настоящій порядокъ, защищаете то что есть; мы хотимъ измѣнить этотъ порядокъ„ мы представители соціалистической партіи. Разсмотримъ же добросовѣстно, хорошъ ли теперешній порядокъ и виноваты ли мы, что хотимъ измѣнить его? Не смотря на объявленіе правъ человѣка, на минутное торжество народа *), и теперь еще нѣсколько человѣкъ могутъ, когда захотятъ, заставить литься цѣлыми потоками въ братоубійственной войнѣ народную кровь, хотя народъ вездѣ одинаково страдаетъ и вездѣ желаетъ одного и того же.

Всѣ наслажденія достаются небольшому числу людей, которымъ приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства; а милліоны трудящихся страдаютъ въ нуждѣ и невѣжествѣ, терпятъ безпощадное угнетеніе и остаются при старыхъ предразсудкахъ, закрѣпляющихъ ихъ рабство.

Если мы перейдемъ къ частностямъ, то увидимъ, что въ промышленности на необходимое не хватаетъ рукъ, а дорогихъ и безполезныхъ вещей производится слишкомъ много; милліонамъ дѣтей бѣдняковъ не во что одѣться, а въ магазинахъ выставлены баснословно дорогія шали, на которыя потрачено по десяти тысячъ рабочихъ дней.

---

*)Варленъ вспоминаетъ здѣсь о бывшемъ сто лѣтъ тому назадъ великомъ возстаніи (революціи) французскаго народа, когда онъ уничтожилъ королевскую власть, отнялъ всякія преимущества у дворянъ и духовенства, но самъ остался подъ властью богачей, буржуазіи. Съ этой буржуазіей боролась въ шестидесятыхъ годахъ рабочая соціалистическая партія, къ которой принадлежалъ Варленъ.

Платы рабочаго не хватаетъ на самое необходимое, а вокругъ него ничего не дѣлающіе люди проживаютъ огромныя деньги.

Рабство погубило древній міръ. Современное общество тоже погибнетъ, если не прекратитъ страданій большинства, если будетъ продолжать думать, что всѣ должны трудиться и терпѣть лишенія, чтобы содержать въ роскоши нѣсколько человѣкъ. Оно погибнетъ, если не захочетъ понять всю жестокость порядка, къ которому подходитъ такое сравненіе: (Варленъ читаетъ вслухъ отрывокъ изъ статьи одного соціалистическаго журнала) "Что сказали бы вы, читатель, если бы, наблюдая стаю голубей, слетѣвшихся на пшеничное поле, вы замѣтили, что изъ ста птицъ девяносто-девять, вмѣсто того, чтобы беззаботно клевать зерна, старательно собираютъ ихъ въ кучу, оставляя себѣ мякину, и отдаютъ эту собранную ими кучу одному голубю, пожалуй самому плохому изъ всей стаи; причемъ этотъ счастливый голубь, наѣвшись до отвала, начинаетъ важничать, портить и разбрасывать во всѣ стороны зерна, а остальные девяносто-девять голодныхъ голубей только охраняютъ его богатства, и если который нибудь изъ нихъ осмѣлится попользоваться хоть зернышкомъ изъ кучи, всѣ другіе набрасываются на него и выщипываютъ ему перья.... Вы не видали, конечно, ничего подобнаго среди голубей, но такіе именно порядки установлены между людьми, такъ именно люди всегда поступаютъ."

Это ужасно, но совершенно вѣрно, продолжаетъ свою рѣчь Варленъ.

Развѣ не къ такимъ девяносто девятп принадлежитъ рабочій, который родится въ нищетѣ, растетъ голодая, плохо одѣтый, въ плохой квартирѣ; растетъ безъ матери, вынужденной ходить на работу и оставлять его безъ призора на жертву тысячамъ случайностей, которыя грозятъ заброшенному ребенку. И очень часто онъ пріобрѣтаетъ съ самаго дѣтства болѣзни, отъ которыхъ страдаетъ потомъ всю жизнь. Только-что наберется

онъ немножко силъ, лѣтъ въ восемь напримѣръ, онъ долженъ уже начинать работать; долженъ цѣлые дни проводить за непосильнымъ трудомъ въ нездоровой мастерской, гдѣ съ нимъ грубо обращаются, гдѣ онъ не учится ничему кромѣ пороковъ! Выростетъ онъ — судьба его не перемѣнится. Въ двадцать лѣтъ его возьмутъ въ солдаты и запрутъ въ казармы или пошлютъ на войну, гдѣ онъ можетъ быть убитъ, не узнавши даже, за что сражался. Если онъ возвратится живымъ онъ можетъ жениться, что бы тамъ ни говорили добродѣтельный англичанинъ Мальтусъ и французскій министръ Дюшатель, которые полагаютъ, что рабочимъ не слѣдуетъ обзаводиться семьей, что и самихъ то бѣдняковъ, не находящихъ пропитанія, никто не принуждаетъ оставаться въ живыхъ.

Но рабочій все таки женится и тутъ то, когда у него родятся дѣти, онъ узнаетъ весь ужасъ нужды съ ея болѣзнями, дороговизной, безработицей. Если подъ вліяніемъ этой нужды онъ потребуетъ прибавки заработной платы ,то въ Англіи его голодомъ заставятъ замолчать, въ Бельгіи его застрѣлятъ, въ Италіи посадятъ въ тюрьму, въ Испаніи противъ него объявятъ осадное положеніе, въ Парижѣ потащатъ на судъ....“

Предсѣдатель суда прерываетъ Варлена. „Въ Парижѣ, говоритъ онъ, никого не тащатъ. Подсудимыхъ приводятъ на судъ и часто обращаются съ ними слишкомъ снисходительно. Возьмите свои послѣднія слова назадъ, иначе я не могу позволить вамъ продолжать вашу защитительную рѣчь.“

Варленъ, посовѣтовавшись съ остальными подсудимыми, соглашается взять назадъ слово „потащатъ“.

Предсѣдатель. — Вы не должны ни съ кѣмъ совѣтоваться. Берете ли вы свои слова назадъ по своей собственной волѣ?

Варленъ. — Беру.

Предсѣдатель. — Продолжайте вашу защиту.

Варленъ. — Всюду съ страшными усиліями рабочій влачитъ свое существованіе среди лишеній и оскорбленій. Въ зрѣломъ возрастѣ ему нечѣмъ помянуть свою молодость и онъ долженъ со страхомъ ждать старости. Если у него нѣтъ семьи, или семья его слишкомъ бѣдна, то какъ только пропадетъ его рабочая сила, онъ будетъ арестованъ за нищенство и безпріютность и, какъ преступникъ, умретъ въ заключеніи.

А этотъ человѣкъ вчетверо больше сработалъ, чѣмъ израсходовалъ на своемъ вѣку.—Что же сдѣлало общество съ остальными тремя четвертями его работы? Оно отдало ихъ сотому голубю.

Этотъ сотый, — сынъ богатыхъ родителей — окруженъ съ самаго рожденія всѣми заботами и всею роскошью. Его дѣтство проходитъ среди ласкъ и удовольствій. Учителя даютъ ему всякія знанія. Его молодость переполнена наслажденіями: роскошь, игра, кутежъ и продажная любовь — все къ его услугамъ.

Насытившись всѣмъ на свѣтѣ, онъ женится, и семья окружаетъ его своими тихими радостями. За плату онъ послалъ вмѣсто себя на опасности войны брата той дѣвушки, которую купилъ или соблазнилъ; но его все таки будутъ прославлять за патріотизмъ, на него будутъ сыпаться почести, чины и награды! Ему нечего опасаться старости, онъ видитъ впереди лишь исполненіе своихъ честолюбивыхъ мечтаній. Вѣдь онъ богатъ!

А между тѣмъ этотъ счастливецъ никогда не работалъ, ничего не произвелъ; онъ всю жизнь только пользовался лишеніями девяноста девяти своихъ братьевъ....

Среди этой роскоши и нищеты, угнетенія и рабства, невѣжества и разврата, насъ одно только и утѣшаетъ: мы знаемъ изъ исторіи, какъ не проченъ тотъ порядокъ, при которомъ люди могутъ умирать съ голоду у пороговъ дворцовъ, переполненныхъ всѣми благами міра.

Присмотритесь, и вы увидите глухую ненависть между богатымъ классомъ, охраняющимъ теперешнее положеніе, и рабочимъ —, который хочетъ завоевать себѣ

лучшее будущее. Богатый классъ вернулся къ предразсудкамъ, исчезнувшимъ сто лѣтъ тому назадъ, среди него развился самый бѣшенный развратъ, въ немъ всякій думаетъ только о себѣ. Все это признаки близкаго паденія; земля уходитъ изъ подъ вашихъ ногъ берегитесь!

Классъ, который до сихъ поръ появлялся въ исторіи лишь во время возстаній, для того чтобы уничтожить какую нибудь великую несправедливость; классъ, который угнетали всегда и всѣ правительства, — рабочій классъ узналъ, наконецъ, что именно нужно сдѣлать, чтобы уничтожить все зло и всѣ страданія. Съ вашей стороны было бы очень благоразумно не мѣшать его справедливому дѣлу...

Буржуазія не можетъ ничего противопоставить рабочимъ, кромѣ насилій и жестокостей.. Но насилія только ускорятъ взрывъ. Если бы она не хотѣла быть безполезно жестокой, ей слѣдовало бы уступить мѣсто людямъ, вѣрящимъ въ лучшее будущее и трудящимся надъ подготовленіемъ справедливаго общественнаго порядка. Пусть буржуазія пойметъ, что такъ какъ она не можетъ дать людямъ того, что имъ нужно въ настоящее время, ей остается только исчезнуть въ рядахъ молодого рабочаго класса. который приноситъ человѣчеству истинное равенство, союзъ и свободу.

Читатель видитъ изъ этой рѣчи, что и на Западѣ рабочимъ живется такъ же тяжело какъ и у насъ. Тѣ, кому попадалась рѣчь Петра Алексѣева, русскаго рабочаго, судившагося въ 1877 году, вѣрно замѣтили, какъ сходно описываетъ Петръ Алексѣевъ положеніе русскихъ рабочихъ, съ тѣмъ что говоритъ Варленъ о судьбѣ рабочихъ въ западной Европѣ. И дѣйствительно, вездѣ рабочіе живутъ въ нуждѣ, вездѣ проводятъ цѣлый вѣкъ въ непосильномъ трудѣ, потому что вездѣ большая часть ихъ работы идетъ на пользу не имъ, а богатымъ — тому сотому голубю, о которомъ говоритъ Варленъ.

Но вотъ разница. Хотя дѣти бѣдняковъ повсюду ростутъ въ невѣжествѣ и выносятъ изъ народной школы немногимъ больше одного умѣнья читать и писать, тѣмъ не менѣе на Западѣ между рабочими много очень образованныхъ людей, больше думающихъ, лучпонимающихъ вещи, чѣмъ большая часть господъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ. Они сами добиваются этого знанія: учатся взрослыми, учатся для того, чтобы знать и распространять между своими товарищами тотъ соціализмъ, о которомъ говоритъ Варленъ. Въ его время во Франціи школы были сплошь поповскія, учили въ нихъ очень плохо, больше внушали страхъ Божій, да повиновеніе, много было и совсѣмъ безграмотныхъ, но желающаго знать рабочаго не можетъ остановить и безграмотность. Выучиться читать никогда не поздно: товарищъ Варлена, Малонъ, напримѣръ, узнавшій уже взрослымъ азбуку отъ своего маленькаго брата, сталъ потомъ очень образованнымъ человѣкомъ.

Уже во время Варлена въ Западной Европѣ были дасятки тысячъ рабочихъ, знавшихъ, что отъ самихъ рабочихъ, отъ ихъ союза, отъ ихъ борьбы зависитъ освобожденіе всѣхъ трудящихся отъ необходимости отдавать свой трудъ ничего не дѣлающимъ богачамъ. Теперь такихъ рабочихъ соціалистовъ въ западной Европѣ сотни тысячъ и число ихъ съ каждымъ днемъ р стетъ все быстр е и быстрѣе, и какъ сами рабочіе такъ и ихъ враги отлично знаютъ, что недалекъ тотъ день, когда такихъ рабочихъ будутъ милліоны, ихъ силѣ ничто уже не будетъ въ состояніи противиться, и царству богатыхъ наступитъ конецъ. А тѣмъ временемъ западные рабочіе добились уже по пути многихъ улучшеній въ своемъ положеніи. Богатые классы боятся ихъ ростущей силы и пытаются задобрить рабочихъ разными уступками.

Среди русскихъ рабочихъ пока еще мало людей, понимающихъ положеніе своего класса и готовыхъ бороться за лучшее будущее.

Россія вообще начала учиться позднѣе другихъ европейскихъ странъ и училась она у западной Европы. Все что знаютъ наши господа, все они взяли оттуда, ничего путнаго сами не выдумали. Оттуда пришли въ Россію всѣ науки; оттуда же пришли къ намъ и фабрики, и машины, и порядки на этихъ фабрикахъ, и умѣнье по ученому высасывать рабочаго. Только у насъ его легче высасывать, потому что все у насъ по европейски, но рабочіе еще не таковы, какъ въ Европѣ.

Русскіе господа, русскіе хозяева учатся у западныхъ господъ, у западныхъ хозяевъ. Русскіе рабочіе будутъ учиться у западныхъ рабочихъ.

Первыми проснулись тамъ и начали искать выхода изъ своего тяжелаго положенія французскіе рабочіе. Имъ было всѣхъ труднѣе. Они долго искали настоящаго пути для своего освобожденія, много разъ ошибались, много разъ ихъ обманывали люди изъ другихъ классовъ и много растратили они даромъ силы. Нѣмецкіе рабочіе проснулись позднѣе, но у нихъ передъ глазами былъ опытъ французскихъ рабочихъ, и они уже не повторяли ихъ ошибокъ. Они скоро поняли, что рабочимъ не слѣдуетъ ни на кого надѣяться, что они могутъ освободиться, лишь соединившись въ особый союзъ, въ рабочую партію, отдѣльную ото всѣхъ другихъ партій. И нѣмецкіе рабочіе скоро догнали и перегнали французскихъ, теперь у нихъ самая сильная въ мірѣ соціалистическая рабочая партія. За послѣдніе годы тамъ все правительство и всѣ богатые классы изо всѣхъ силъ стараются помѣшать росту рабочей партіи. Но въ Германіи сотни тысячъ рабочихъ соціалистовъ. Что же съ ними подѣлаешь? Въ тюрьмы не разсадишь, не хватитъ ни тюремъ, ни денегъ, чтобы ихъ тамъ содержать, да и во многихъ городахъ работать было бы некому. Поэтому разсаживаютъ по тюрьмамъ только вожаковъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ иной разъ. Посадятъ сотню людей, а на ихъ мѣсто встаютъ тысячи. И вожаки не боятся тюрьмы, ихъ семьямъ помогаютъ товарищи, а для нихъ самихъ тюрьма даетъ свободное время, чтобы поучиться или напи-

сать какое нибудь сочиненіе о рабочемъ дѣлѣ. И ихъ партія все растетъ и растетъ. При послѣднихъ выборахъ въ законодательное собраніе *) за рабочихъ соціалистовъ было подано гораздо больше милліона голосовъ. Когда проснутся русскіе рабочіе и захотятъ бороться за свое освобожденіе, они не ошибутся, если воспользуются опытомъ своихъ западныхъ братьевъ и пойдутъ по одному съ ними пути.

Но когда же проснутся русскіе рабочіе? Въ 1877 году Петръ Алексѣевъ надѣялся, что рабочихъ выведетъ на истинный путь наша образованная молодежь. И дѣйствительно, когда эта молодежь приходила къ рабочимъ и начинала говорить имъ о возможности лучшей доли для всѣхъ трудящихся, они принимались учиться, соединяться и дѣйствовать. Но переставала приходить молодежь—и затихало движеніе въ рабочей средѣ, не росло, не шло далѣе.

Даже и въ этомъ случаѣ вѣрно великое правило западныхъ рабочихъ: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.“ Даже для того чтобы русскимъ рабочимъ освободиться отъ незнанія, отъ равнодушія къ общей судьбѣ своего класса, необходимо, чтобы изъ среды самихъ рабочихъ всѣ наиболѣе умные, хоть что нибудь узнавшіе люди принялись изо всѣхъ силъ учиться и распространять свое знаніе среди своихъ товарищей. Конечно, рабочему легче учиться при помощи студента, человѣка, который все дѣтство провелъ за книгами. Но студентъ можетъ прійти, а можетъ и не прійти. Чтобы студентъ захотѣлъ непремѣнно учить рабочихъ, когда вдобавокъ правительство за это такъ жестоко наказываетъ, надо, чтобы онъ сдѣлался соціалистомъ. Но соціализмъ это ученіе рабочаго класса, ученіе о его положеніи, о его судьбѣ. Студентъ не рабочій, ему нѣтъ никакой надобности быть непремѣнно соціалистомъ. Чтобы стать соціали-

*)Въ Германіи, какъ и во всѣхъ государствахъ западной Европы зако ы издаются собраніемъ выборныхъ людей.

стомъ, онъ долженъ отречься отъ самаго себя, отъ своего класса, стать всецѣло на сторону рабочихъ. Много такихъ людей никогда не бываетъ. А рабочимъ необходимо дѣлаться соціалистами, имъ нельзя не бороться за лучшую долю. Какъ ни плохо теперь, но если они не начнутъ отстаивать себя, имъ будетъ становиться все хуже и хуже. Имъ необходимо, во что бы то ни стало, добиваться силы, союза, знанія.

А съ другой стороны: много ли у насъ и всей-то образованной молодежи? Много ли студентовъ на всю Россію? Нѣсколько тысячъ. Правительство можетъ хоть къ каждому приставить по шпіону и хватать всякаго, про котораго донесутъ, что онъ хоть разъ о чемъ нибудь подумалъ, хоть кому нибудь кромѣ себя пожелалъ добра. Почти такъ правительство и дѣлаетъ.

А рабочихъ милліоны. Когда то тутъ, то тамъ начнется движеніе въ этой громадной массѣ, слѣдить за нею такъ, какъ слѣдитъ правительство за студентами, у него не будетъ никакой возможности. Конечно, многимъ изъ первыхъ рабочихъ, которые возьмутъ на себя задачу расшевелить рабочую массу, придется поплатиться за это дѣло. Безъ жертвъ ничего не дѣлается. За то эти первые рабочіе окажутъ величайшую услугу русскому народу, самую большую, какую можно оказать ему.

Но разъ началось бы у насъ рабочее движеніе, не удержаться бы тогда и нашему шпіонскому, жестокому правительству, какихъ теперь уже во всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Были въ этомъ родѣ правительства когда-то и въ другихъ государствахъ. И тамъ преслѣдовали людей за союзы, за слово, за книги. И тамъ, какъ у насъ, очень многіе люди изъ высшихъ классовъ, молодые въ особенности, ненавидѣли эти глупыя и жестокія правительства, пытались бороться съ ними, и также какъ у насъ, безъ рабочихъ ничего не могли сдѣлать. Но едва просыпались рабочіе и начинали входить въ силу, правительства вынуждены были подѣлиться властью съ выборными отъ всего населенія. Правда, эти выборные,

кромѣ тѣхъ, которыхъ посылала отъ себя рабочая соціалистическая партія, начинали, гдѣ только могли, стѣснять свободу рабочихъ, сохраняя ее лишь для богатыхъ классовъ. Но во всякомъ случаѣ тамъ нигдѣ уже не могутъ теперь такъ преслѣдовать за союзы, за слово, за книги, какъ преслѣдуютъ у насъ въ Россіи. Проснувшіеся и объединенные рабочіе слишкомъ сильны, что бы позволить кому бы то ни было обращаться съ ними такъ, какъ обращаются съ рабочими въ Россіи.

Трудно лишь начало. Но какъ только проснется въ русскихъ рабочихъ рѣшимость искать выхода изъ своего тяжелаго положенія и неразлучное съ этой рѣшимостью горячее желаніе знанія, они добьются свободы отъ жестокаго царскаго деспотизма, а затѣмъ, въ союзѣ съ рабочими всего міра, добьются и освобожденія отъ нужды и непосильнаго труда, отъ необходимости отдавать большую часть своей работы ничего не дѣлающимъ богачамъ.

Конецъ.